

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-357-372
EDN: MIPZRJ

Научная статья / Research article

Динамика ценностных приоритетов российской молодежи в современных геополитических условиях

Я.Ю. Шашкова , Д.А. Казанцев

Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

 yashashkova@mail.ru

Аннотация. Анализируются изменения в политических ценностях и установках учащейся молодежи российских регионов, выделяются возможные стратегии ее политического поведения и факторы риска на современном этапе. Исследование базируется на результатах массовых опросов и фокус-групп, проведенных среди школьников и студентов регионов Сибири и Дальнего Востока в период с 2020 по 2023 г. В результате авторы отмечают трансформацию политических предпочтений молодежи от готовности активного участия в политике к закрытости, избеганию конфликтов и бегству от политики. В нынешних сложных социально-экономических условиях наблюдается преобразование мотивации молодежи — стремление к комфорту дополняется ощущением несправедливости, что потенциально может способствовать возвращению молодежи к политической активности. Кроме того, текущие пессимистические настроения молодежи и ее поиск способов адаптации к изменяющейся ситуации могут находить выражение не только в доминирующем сейчас смирении, но и в повышенной конфликтности и агрессии. И поскольку молодые люди проявляют коммуникативную закрытость из-за страха критики и последствий, что делает внутренние процессы менее заметными, данные факторы требуют дальнейшего внимания и исследования для понимания будущего развития российского общества.

Ключевые слова: политические ценности, молодежь, политическое сознание, политические установки, политическая социализация, специальная военная операция, регионы РФ

Для цитирования: Шашкова Я.Ю., Казанцев Д.А. Динамика ценностных приоритетов российской молодежи в современных геополитических условиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 357–372. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-357-372>

© Шашкова Я.Ю., Казанцев Д.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Dynamics of Value Priorities of Russian Youth in Modern Geopolitical Conditions

Yaroslava Yu. Shashkova , Dmitry A. Kazantsev

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

 yashashkova@mail.ru

Abstract. The study analyzes changes in political values and attitudes among the youth of Russian regions, identifies possible strategies of their political behavior, and examines risk factors at the present stage. The research is based on the results of mass surveys and focus groups conducted among schoolchildren and students in the Siberian and Far Eastern regions during the period from 2020 to 2023. As a result, the authors note a transformation of youth political preferences from readiness for active participation in politics towards closedness, conflict avoidance, and political disengagement. In the context of the current difficult socio-economic conditions, there is a transformation in youth motivation — the pursuit of comfort is supplemented by a sense of injustice, which potentially may contribute to the resurgence of youth political activity. Furthermore, current pessimistic moods among youth and their search for ways to adapt to the changing situation may manifest not only in the current prevailing acquiescence but also in increased conflict and aggression. Since the youth exhibits communicative closedness due to fear of criticism and consequences, making internal processes less visible, these factors require further attention and research to understand the future development of Russian society.

Keywords: political values, youth, political consciousness, political attitudes, political socialization, special military operation, Russian regions

For citation: Shashkova, Ya.Yu., & Kazantsev, D.A. (2024). Dynamics of Value Priorities of Russian Youth in Modern Geopolitical Conditions. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 357–372. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-357-372>

Введение

Новая геополитическая ситуация оказала влияние на все слои российского общества, трансформируя систему устоявшихся социальных размежеваний и приоритетов. Не стала исключением и молодежь, особенно студенты и школьники. 14-20-летние молодые люди выросли в период относительной социально-экономической и политической стабильности, дававшей возможность уверенно рассчитывать свои жизненные траектории в среднесрочной перспективе и глобальных масштабах. Это сформировало в их среде определенную убежденность в возможности создавать и поддерживать комфортную для себя информационную и коммуникативную среду, легко преодолевать пространственные и культурные границы. Ситуация СВО, как чуть раньше и пандемия, реакция власти на протесты 2021 г., стали вызовом этой убежденности, породив среди учащейся молодежи повышенную тревожность, новые страхи и размежевания. В результате фактически каждый год наблюдаются значительные трансформации сознания молодежи, и 2023 г. не стал исключением.

Изучение динамики ценностей молодежи не является новым вопросом в иностранной и отечественной социологии и политологии. В научной литературе обнаруживается значительное количество работ, посвященных анализу динамики ценностных и поведенческих установок российской молодежи в условиях трансформаций, влияния экономических, социокультурных и других факторов [Антонова 2023; Горшков 2020; Петухов 2020; Селезнева 2020; Попова 2017; Трофимова 2016]. Р. Инглхарт, известный своим проектом World Values Survey, проводил исследования, направленные на анализ и объяснение межпоколенческих преобразований, в том числе ценностей молодежи [Инглхарт 2020]. Множество зарубежных ученых продолжают активно заниматься проблемой установок молодежи и их переменами в современном мире, затрагивая при этом вопросы политического поведения молодежи и ее участия в общественной жизни того или иного государства [de Almeida Alves 2023; Nkansah, Bartha 2023; Krawatzek 2022], изменений ценностей через призму социальных сетей и особенностей информационного общества [Lane, Thorson, Xu Yu 2023; Binder, Heiss, Matthes, Sander 2021], тогда как механизм и особенности воздействия глобальных геополитических сдвигов в мировой политике на сознание молодых людей часто остаются недостаточно исследованными. Так, некоторые авторы фокусируются на влиянии конфликтов и насилия на сознание молодежи, анализируя их последствия и реакции на обсуждаемые явления [Slone, Shoshani 2022]. Другие описывают опыт участия молодых людей в конфликтах и изменения в их мировоззрении под действием травмирующих событий [Rennick 2023]. Третьи ориентированы на изучение этноконфликтов и их артефактов на сознание и ценностные установки молодого поколения [Mushtaq, Mirza 2022].

На фоне проведения специальной военной операции стали появляться научные статьи, изучающие ценностные ориентации и мировоззрение российской молодежи более внимательно. Они становятся особенно актуальными в свете вызванных этими событиями социокультурных трансформаций и общественной динамики [Смирнов 2023; Яковлев 2023].

Цель статьи — выделить наиболее существенные тренды трансформации ценностных приоритетов учащейся молодежи российских регионов, возможные стратегии ее политического поведения и факторы риска на современном этапе.

Эмпирической базой работы послужили результаты серии исследований, проведенных коллективом политологов АлтГУ:

- массовый опрос молодежи 12 регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, сентябрь — октябрь 2020 г. Опрошено 2500 учащихся 9–11 классов школ и 1–2-го курсов вузов. Выборка — несвязанная квотная с контролем возраста, класса, типа населенного пункта и региона проживания, метод — анкетирование;
- повторно-сравнительные массовые опросы, проведенные в октябре 2022 и 2023 гг. В массовом опросе в 2022 г. приняло участие 3000 школьников 11-х классов, студентов ссузов и вузов Алтайского края, в 2023 г. — 2500. Выборка квотная с контролем признаков уровня и профиля образования,

типа населенного пункта. Метод сбора информации — анкетирование. Обработка данных всех опросов проводилась в статистическом пакете SPSS;

- 14 фокус-групп с учащимися 10–11-х классов общеобразовательных школ, студентами ссузов и вузов 8 регионов СФО и ДФО, октябрь 2021 г. Объем выборки — более 100 человек;
- 10 фокус-групп с школьниками 11-х классов, студентами ссузов и вузов Алтайского края (5 — в ноябре 2022 г. и 5 — в ноябре 2023 гг.). Объем выборки — более 100 человек.

Результаты исследования

На основании проведенного политологами АлтГУ цикла исследований учащейся молодежи российских регионов можно констатировать, что ее базовой ценностью на современном этапе выступает индивидуальный комфорт, понимаемый как обеспечение себе благоприятной среды существования. Именно исходя из этого посыла становится логичной и объяснимой наблюдаемая в последние годы трансформация ценностной системы и политических установок молодых людей, которая четко делится на три этапа.

Первому этапу соответствует ситуация до 2021 г., когда комфортная жизнь связывалась молодежью с реализацией принципов свободы, справедливости и правового государства, отстаивать которые она была готова даже посредством акций протеста. Так, в 2020 г. справедливость и свободу как очень или скорее важные ценности оценили для себя по 90 % респондентов из регионов СФО и ДФО, права человека — 89 %, порядок — 84 %. Все они, как показывали фокус-группы того же года, имели в сознании молодежи либеральное или социал-демократическое содержание: справедливость понималась как равенство возможностей, независимо от социального статуса и места проживания (особенно респонденты критиковали противопоставление «Москва — периферия»), свобода — как обеспечение реализации прав человека, в том числе в политической сфере, а порядок — как оправданные ограничения при реализации прав и свобод с целью защиты законных интересов других лиц. При этом школьники и студенты демонстрировали высокий потенциал политической активности — только 20 % респондентов исключали для себя любые формы политического участия. 53 % опрошенных были готовы для защиты своих интересов обращаться в органы государственной власти, в том числе через интернет-петиции, 36 % — обсуждать проблемы в социальных сетях, репостить политическую информацию, 33 % — обращаться в общественные организации, 28 % — участвовать в митингах, демонстрациях, 12 % — в несанкционированных акциях протеста, что и подтвердили массовые акции начала 2021 г.

Однако полученный в ходе последних опыт и реакция властей на массовые выступления привели к распространению среди учащейся молодежи чувства страха (<страшно> «за безопасность свою, семьи, родных, друзей, потому что ты выскажешь свое мнение, и ты готов, но дальше может быть хуже»), кардинально изменив стратегию ее поведения. С 2021 г. комфорт у студентов

и школьников стал ассоциироваться с безопасностью, обеспечить которую могло дистанцирование от политики, избегание конфликтных ситуаций в разной форме и коммуникативная закрытость. Это наглядно иллюстрируют типичные высказывания участников фокус-групп 2021 г.: *«Я, как большинство людей, готова что-то обсуждать, но вот что-то делать — это другой вопрос. ...Наверное, этим кто-то другой займется, а не я», <политику> «обсуждаем, но я стараюсь не вмешиваться, если выскажу свою точку зрения, польется шквал критики».*

Интересным следствием этих процессов стало «размывание» картины ценностей в сознании учащейся молодежи — многие респонденты по-прежнему декларировали значимость для себя свободы, справедливости, прав человека, но не могли внятно объяснить свое видение их содержания, отчетливо проявляя стремление уйти от однозначных ответов, крайних точек зрения, избежать столкновений в обсуждении политических тем, чтобы не провоцировать конфликты в своем окружении и не нарушать состояние личного комфорта.

Обозначенная тенденция дистанцирования от политической проблематики и политической активности, коммуникативной закрытости до сих пор имеет широкое распространение в молодежной среде. Как показал опрос 2023 г., подавляющее большинство школьников 11-х классов и студентов Алтайского края (65 %) устранились от участия в политике, общий уровень абсентеизма молодежи сокращается только за счет участия в федеральных выборах или выборах губернаторов регионов (об участии в последних заявили 18 % опрошенных). Интернет-петиции подписывали 9 % респондентов, обсуждали политику в соцсетях и делали репосты политической информации 7 %, свое участие в массовых акциях и работу в общественных организациях указали по 4 % респондентов, личное обращение в органы государственной власти и МСУ — 3 %, участие в работе партий — 2 %.

Несмотря на то, что 56 % респондентов отметили, что население городов/сел, где проживают они сами и/или их родители, не удовлетворено уровнем и условиями своей жизни (+12 % к показателю 2022 г.), только 15 % респондентов (–2 %) допускают возможность в них акций протеста населения против падения уровня жизни. Присоединиться же к ним готовы 8 % опрошенных, 53 % (–7 % к уровню 2022 г.) категорически исключили для себя такую вероятность.

Коммуникативная «закрытость» молодых людей проявляется как в том, что только 10 % опрошенных указали свой активный интернет-статус (блогер и постоянный участник обсуждений), большинство же перевели себя в статус наблюдателей, так и, например, в ситуации, когда при определении степени своего доверия-недоверия общественным и политическим институтам в среднем каждый пятый (а по отдельным позициям каждый четвертый) респондент выбрал вариант «затрудняюсь ответить».

Вместе с тем опросы 2022–2023 гг. выявили очередные трансформации политических ценностей и установок учащейся молодежи, закладывающие основы нескольких потенциальных альтернатив ее поведения.

Рис. 1. Динамика уровня доверия/недоверия учащейся молодежи Алтайского края общественным и политическим институтам в 2023 г., по отношению к данным 2022 г

Источник: составлено авторами.

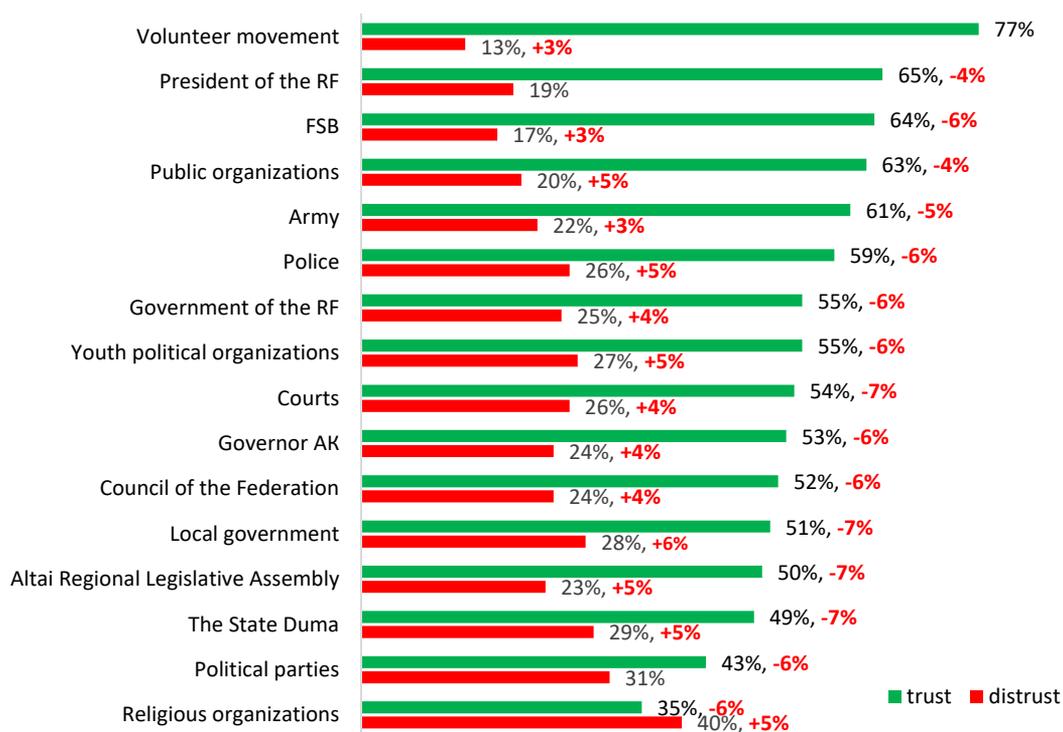

Figure 1. Dynamics of the level of trust/distrust of student youth of the Altai Krai in public and political institutions in 2023, in relation to 2022

Source: compiled by the authors.

В первую очередь следует отметить снижение в 2023 г. доверия учащейся молодежи ко всем общественным и политическим институтам, особенно к судам, органам представительной власти и местного самоуправления, при отсутствии институтов, к которым доверие бы возросло (рис. 1). Антирейтинг религиозных организаций даже превысил их рейтинг, чего не было в постковидный период. В первую очередь это связано с ростом критической оценки деятельности федеральных (Президент, Правительство РФ) и местных (мэры) органов власти, правоохранительных и надзорных организаций.

Ответы молодых людей в ходе фокус-групп позволили выделить более глубокие причины недоверия органам власти и отрицательной оценки их деятельности. Среди них респонденты называли коррупцию, оторванность от населения, неподконтрольность органов власти (*«власть слишком сильно пользуется своей властью»*), *«очень высокий уровень коррупции»*, *«нет сменяемости власти»*, *«нет уважения к обычным людям»*); *«добровольно-принудительный»* характер формирования патриотизма (*«заставляют выходить на митинги, которые организуют, а за репосты и общественную активность — репрессии»*), *«показуха одна»*); влияние разочарования родителей, старших членов семьи. В последнем случае, хотя почти каждый третий респондент отмечал, что при обсуждении актуальных общественно-политических проблем для него значимо лишь собственное мнение, столько же указывают, что для них значимо мнение родителей и других родственников.

В то же время на первое место по числу ответов в 2023 г. вышли указания на нечестность, непоследовательность власти, находящую выражение в противоречии официально декларируемой и реальной ситуации, информации из других источников (*«заврались»*), *«по телевидению показывают одно, все красиво, а в Интернете и в жизни по-другому»*, *«сначала говорят и обещают одно, а потом все делают по-другому»*), нечестности выборов (*«референдум на пеньках»*), *«никто из знакомых не голосовал за Томенко (губернатор Алтайского края. — Я.Ш., Д.К.), а как он 70 % набрал»*) и непоследовательности внешней политики.

Это позволяет выделить еще одно важное изменение и «точку риска» политического сознания современных студентов и школьников — их престало устраивать «многоголосье» источников информации, они находятся в психологической напряженности, усталости от противоречивости текущей информации.

Как показали массовые опросы, среди учащейся молодежи российских регионов сохраняется достаточно высокий уровень интереса к политическим новостям — 60% опрошенных интересуются политическими событиями в стране. Этот показатель выше у студентов вузов, ниже — у школьников, студентов ссузов. При этом молодые люди не собираются отказываться от Интернета и связанной с ним разнонаправленности позиций. Наоборот, наблюдается рост молодежной интернет-аудитории на фоне снижения телеаудитории, обусловленный недоверием молодых людей новостийной повестке в СМИ — 60% респондентов считают, что российские новости необъективно освещают события в стране. И если у школьников и студентов 1–3-го курсов ссузов этот показатель

колеблется в пределах 51–56 %, то у выпускников ссузов и студентов вузов он равен 63–80 %.

В этой ситуации у молодежи формируется запрос по отношению к органам власти — они стремятся к психологическому комфорту, успокоению, но при этом хотят, чтобы им сказали, *«как на самом деле»*, *«сказали правду»*. Претензия возникает не к источникам информации, а к тому, что власть не может определиться и *«все время лжет»*. Информационное поле воспринимается молодежью как сложное не за счет количества источников, а за счет *«накачки» «официального потока»*, который власть потом сама и отрицает (*«сегодня говорим одно, а завтра — другое»*).

Также развитие внутренней напряженности у студентов и школьников связано с общим усилением социального пессимизма молодежи. В 2023 г. только 45 % учащейся молодежи Алтайского края были склонны считать, что через год их жизнь станет лучше. Число тех, кто не верит в улучшение качества своей жизни, составило порядка 12 %. По сравнению с 2022 г. уровень социального оптимизма молодежи по всем социально-демографическим категориям снизился на 11 %. Как следствие, в оценках молодыми людьми политических процессов в стране в 2023 г. заметно большую роль, чем в 2022 г., играло мнение об отсутствии позитивных социально-экономических изменений (*«нет улучшения уровня жизни»*, *«проблемы не решаются»*), а также актуализация проблемы социального и территориального неравенства (*«у нас больше забирают на СВО»*, *«Москва и Питер благополучны за счет других»*, *«вкладывают во внешнюю политику, а про страну забыли, люди — как рабы»*). На ее основе в молодежной среде, в полном соответствии с теорией *«относительной депривации»* Т. Гарра [Гарр 2005], формируется чувство несправедливости, которое может трансформироваться в агрессию, выплескиваемую как на власть, которая *«покупает друзей»*, так и в другие доступные сферы, например в межнациональные отношения. Причем вероятность канализирования агрессии в сферу межнациональных и межличностных отношений более высока в связи с сохранением массового страха перед политикой и дистанцирования от нее.

Конечно, на основе данных массовых опросов тренд на усиление интолерантности и ксенофобии в молодежной среде выглядит слабо обоснованным, — их участники, в частности в Алтайском крае, демонстрируют низкую заявленную степень ксенофобии и национализма и низкую вероятность участия в межнациональных столкновениях. В 2023 г. 42 % респондентов заявили, что никогда не испытывают раздражение, неприязнь к представителям той или иной национальности, 32 % — испытывают его редко, 14 % — время от времени. Это же подтвердили и ответы на вопросы шкалы Богардуса, согласно которым у 76 % респондентов либо вообще отсутствуют предубеждения против других этносов, либо они их скрывают. По мере увеличения дистанции общения этот уровень возрастает до 82 %. 55 % отметили, что они никак не отреагируют на оскорбление в связи со своей национальной принадлежностью, 28 % постараются разрешить конфликт словами.

В то же время фокус-группы показали высокую степень межнациональной напряженности в молодежной среде на межличностном, бытовом уровне, особенно осознаваемую студентами вузов и ссузов. Ее главными причинами респонденты всех категорий посчитали *«навязывание приезжими своих обычаев»* и традиций, которое можно интерпретировать как ощущение наличия у приезжих требования к «местному» населению и органам власти создать условия для соблюдения ими своих обычаев (*«они знают только свои права», «часто демонстрируют свое превосходство»*); неравенство отношения образовательных учреждений к «русским» студентам, с одной стороны, и иностранным студентам и студентам из национальных республик — с другой (*«мы сдаем ЕГЭ, проходим конкурс, а их просто зачисляют», «им дают общежитие, а русским студентам нет», «они могут плохо учиться, не ходить на занятия, но их не отчисляют»*), а также отношение государства в целом к мигрантам (*«государство поддерживает мигрантов, а не своих», «мигранты устанавливают здесь свои правила, хотя мы не можем так сделать»*); отсутствие единства русских (*«те брат за брата, а у нас каждый сам по себе»*). При этом важно, что, описывая участников межнациональных отношений, молодежь очень часто проводит различие по признаку внешнего вида «славяне — неславяне», отождествляя всех последних с мигрантами, даже если они родились и выросли в крае или относятся к коренным российским этносам (алтайцы, тувинцы, ингуши, дагестанцы, чеченцы).

Иными словами, и применительно к данной сфере молодежь четко транслирует запрос на справедливость, обеспечение равных возможностей для всех, независимо от национальной принадлежности, синдром «ущемленных русских», которые *«перестают быть важными в своей стране»*. Это же осложняет прогнозирование угроз межнациональных столкновений, так как в сложившейся ситуации нельзя заранее определить, какой факт молодые люди посчитают вопиюще несправедливым. Тем более, что во всех фокус-группах звучало мнение, что межнациональная напряженность существует не вследствие предубежденности к каким-либо этносам в целом, а как реакция на неадекватное, агрессивное поведение их отдельных представителей.

Риск увеличения числа конфликтов, в том числе межнациональных, повышается из-за еще одной новой, но очень важной особенности учащейся молодежи — ее готовности к службе в силовых структурах и к применению оружия в ходе службы и для самозащиты как средства обеспечения безопасности и материального комфорта. Так, при ответе на прямой вопрос о ситуациях возможного применения оружия 59 % респондентов из Алтайского края в 2023 г. указали в качестве таковой наличие угрозы жизни и здоровью себе или близких, 41 % — исполнение воинского долга, 25 % — исполнение приказа, 4 % — получение материального вознаграждения или иной выгоды. Вообще исключили для себя такую вероятность 27 % опрошенных. В случае межличностного конфликта на национальной почве готовы прибегнуть к насильственным действиям 8 % молодых людей, 4 % — применить оружие. Профессию или деятельность, предполагающую возможность применения оружия, точно или потенциально были готовы выбрать 40 % молодежи, не готовы — 46 %.

На применение оружия для исполнения воинского долга и приказов, в ходе межнациональных конфликтов, а также выбор соответствующей профессии больше ориентированы юноши, студенты невыездных курсов ссузов, обучающиеся в малых городах, выходцы из сел и малых городов. При этом выбор профессии или деятельности, предполагающей возможность применения оружия, рассматривают для себя 74 % готовых применить оружие для исполнения приказа, 68 % готовых применить его в ходе межнационального конфликта, по 66 % — в ходе исполнения воинского долга, 64 % — для получения материального вознаграждения или иной выгоды.

В этих условиях молодежь четко связывает все происходящее в обществе процессы с продолжением СВО. Если в 2022 г. ее больше волновал скулшутинг и вероятность терактов, то в 2023 г. рейтинг «тревожных» новостей возглавила информация о проведении СВО, терактах и частичной мобилизации (рис. 2).

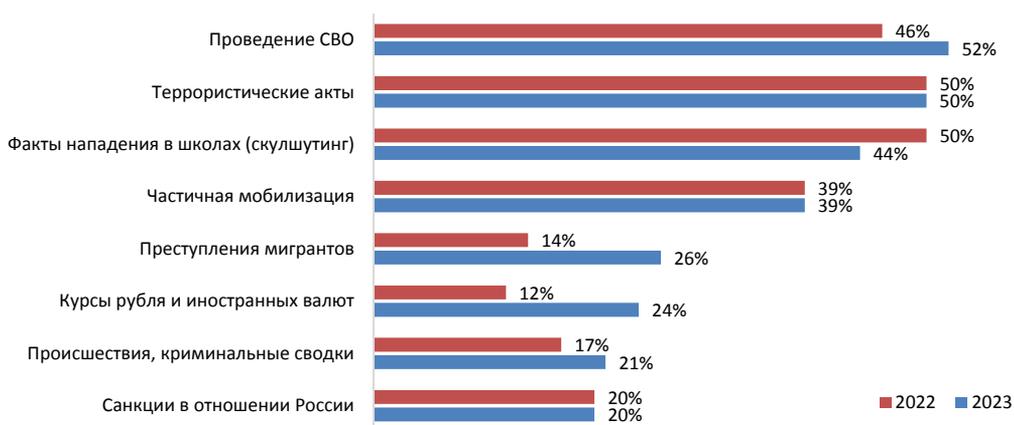

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Какая информация в СМИ и сети Интернет вызывает у вас наибольшую тревогу?», Алтайский край, 2022–2023

Источник: составлено авторами.

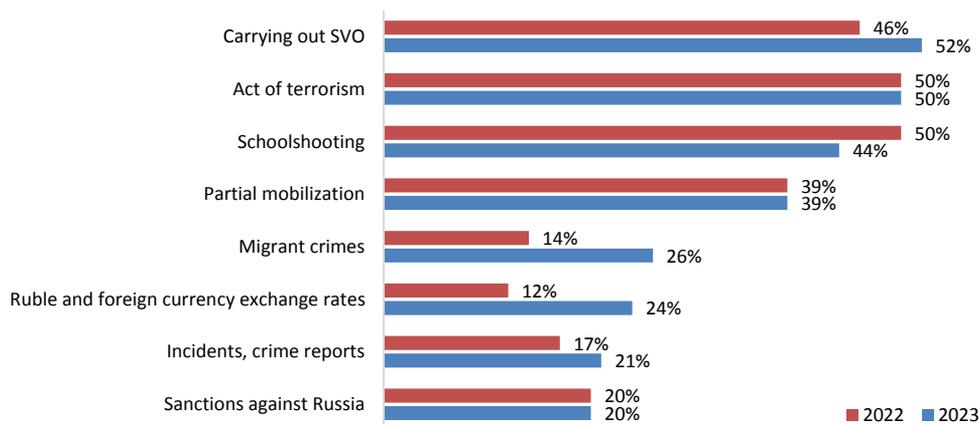

Figure 2. Distribution of answers to the question: «What information in the media and the Internet causes you the greatest concern?», Altai Krai, 2022–2023

Source: compiled by the authors.

Большинство молодых людей выступает за мирное урегулирование ситуации и против любых форм мобилизации. Если в 2022 г. внешнюю политику РФ полностью или скорее одобряло 46 % школьников и студентов Алтайского края, то в 2023 г. — 39 %. 74 % (среди девушек 83 %) выступают за прекращение военных действий в Украине и начало мирных переговоров, что подтверждается и динамикой ответов на вопрос о проведении мобилизации. В 2022 г. 18 % респондентов поддерживало частичную мобилизацию, 33 % считало, что участие в СВО может быть только добровольным, 42 % отрицательно относилось к любой мобилизации и СВО в целом. В 2023 г. эти показатели составили 10, 29 и 55 % соответственно. Даже среди юношей, несмотря на большую поддержку проведения СВО, 63 % в 2023 г. выступили за мирные переговоры и только добровольное участие в СВО, хотя в 2022 г. каждый пятый из них поддерживал проведение частичной мобилизации.

Показательно, что если в 2022 г. большинство молодых людей выступали против СВО, мотивируя это своими пацифистскими взглядами и отрицательным отношением к силовому решению любых конфликтов, тем более к военным действиям, то сейчас они выступают за прекращение СВО, апеллируя к собственному опыту существования в ситуации, когда буквально *«война пришла в каждый дом»*.

Проживание этого опыта, как показали фокус-группы, по нескольким позициям подкрепляет и усугубляет уже сформировавшиеся у большинства старшеклассников и студентов установки и сложную психологическую ситуацию. Во-первых, это касается недоверия к официальной информации и в целом к обещаниям государства — респонденты почти во всех фокус-группах ставили под сомнение выполнение государством обещаний участникам СВО (*«государство пообещало деньги, но не ожидало такого количества согласившихся, теперь встает вопрос бюджета»*), *«почему люди должны закупаться, чтобы защитить себя, если государство объявляет о своих расходах»*); указывали на рассогласование официальной позитивной информации и количества погибших знакомых, односельчан (*«молчат, что погибают миллионы»*). Тем самым идет возврат к оценкам *«заврались»*, усиливая делегитимацию власти. Во-вторых, формируются убежденность, особенно у студентов вузов, в политических играх вокруг СВО и ее выгоды для бизнеса, ощущения, что это надолго, а отсюда рост страха за своих близких и свое будущее, дополненный уже имевшимися страхами (*«плохо, что затягивают»*), *«государство хочет доказать свое могущество, не принимая во внимание простой народ»*) и ностальгией по утраченному комфорту (*«Только начали нормально жить, и вот СВО»*).

Особые стратегические последствия для массового сознания имеет осознание молодежью факта обесценивания человеческой жизни: *«жизнь людей как разменная монета»*, *«контракт — это готовность убивать или умереть ради денег»*.

На этом фоне изменилось и отношение к участию в СВО. Среди молодежи стали доминировать настроения принятия ситуации, осознания

ее неизбежности, безысходности и смирения: *«если уехать в другую страну, то не факт, что смогу там жить, а как потом вернуться?»*, *«нет смысла сопротивляться. Судят, а потом забирают все равно туда. Мы знаем последствия»*, *«пойдешь — можешь выжить или нет, не пойдешь — поймут и заставят»*. Кроме безысходности респонденты называли в качестве мотивов участия решение материальных проблем и чувство долга: *«много погибло, совесть перед ними, воюющими друзьями»*, *«все не хотят, но, если все спрячутся, то кто тогда будет защищать... свой народ, который не может спасти власть»*.

Сравнение позиций различных сегментов учащейся молодежи выявило их отличие: если студенты вузов крупных городов, региональных центров еще ищут какие-то варианты адаптации к ситуации, у студентов вузов из малых городов больше чувствуется трагедия, надлом по поводу этой безысходности (*«я все равно туда попаду, хочу я этого или нет»*), в сузах же больше смирения, некий фатализм (*«попаду, значит, попаду, если убьют, какой выход»*). И только 11-классники сохраняют тренд прошлого года. Они дистанцируются от СВО в качестве защитной реакции на давление, некомфортную ситуацию, которая позволяет избежать дополнительного раздражающего фактора. Они не видят прямой угрозы себе, поэтому у них нет чувства безысходности, они думают, что у них есть возможность избежать реальности (*«я за СВО, но сам я не пойду»*, *«эту войну начинал не я, поэтому не хочу воевать»*).

Заключение

В целом можно констатировать, что серьезные изменения отечественной политики последних лет привели к очень быстрым и существенным трансформациям политических ценностей и установок учащейся молодежи российских регионов. Руководствуясь базовым для «поколения Z» стремлением к комфорту, буквально за три года она прошла путь от группы с четким, ценностно ориентированным образом будущего и готовностью его отстаивать даже «языком улиц» до состояния страха перед политикой и коммуникативной закрытости, стремления молодых людей в любой ситуации избегать конфликтов и оберегать выстроенное вокруг себя пространство материального, коммуникативного и информационного комфорта. В то же время на данный момент в молодежной среде происходят сложные процессы, которые могут создать «неопределенность будущего», сделать вероятными сразу несколько стратегий поведения молодежи.

Во-первых, хотя исследования подтверждают сохранение дистанцирования старшеклассников и студентов от публичной политики, оно связано не с безопасностью, как в 2022 г., а с обострением материальных проблем. При этом молодые люди ощущают влияние политики на себе и в той или иной степени начинают осознавать политический характер своих проблем, что выражается в снижении доверия к органам власти и политическим

институтам. Более нейтральное отношение к власти проявилось у школьников, но и на них отрицательное влияние оказывает нестабильность, СВО и навязывание патриотизма.

Во-вторых, наиболее распространенными настроениями среди учащейся молодежи российских регионов сейчас являются пессимизм, безысходность, принятие, в вузовской среде дополняемые поиском способов адаптации к сложившейся ситуации. Молодежь находится на распутье между стремлением к прежнему комфорту, к которому очень хочется вернуться, и осознанием, что к прошлому вернуться нельзя. Это заставляет ее как искать пути выживания в этой ситуации, так и может породить повышенную конфликтность и агрессию.

В-третьих, в условиях ухудшения социально-экономической ситуации мотив комфорта трансформируется в мотив несправедливости. Получается, что кто-то имеет возможность сохранить комфорт или для кого-то нынешние условия более комфортны, а для кого-то меньше, и это раздражает. Связка «комфорт/несправедливость» проявляется и в международных отношениях, формируя личные стратегии поведения в отношении других этносов и в перспективе политического поведения. При определенных условиях это может снова обеспечить приход молодежи в политику. Вопрос равенства стал более выраженным, агрегированным, напоминая ситуацию 2020 г., когда он тоже стоял остро. При этом у молодежи была надежда, но сегодня ее не осталось. Отсюда их обреченность, смирение, однако ставящее вопросы:

На сколько хватит этого смирения?

И во что оно переродится?

В-четвертых, сейчас большинство молодежи не имеют жизненных, моральных сил, чтобы бороться со сложившейся ситуацией. Но это не означает, что данный тренд не изменится в будущем. Если раньше молодежь видела свои позитивные перспективы за счет помощи родителей, то теперь она сама начала испытывать социально-экономические проблемы, что приводит к снижению доверия ко всем институтам. Свою роль играет и формирующееся у нее ощущение имитации и искусственности, которыми власть прикрывает реальные проблемы.

И, наконец, все осложняется коммуникативной закрытостью молодежи, ее уходом от артикуляции своих проблем и позиций из-за боязни критики и последствий, нежелания многих традиционных агентов социализации наладить с молодежью «диалог на равных», что делает внешне незаметными глубинные процессы, которые сегодня разворачиваются в этой среде и будут определять завтрашний облик российского общества, а потому требуют дальнейшего внимания и изучения.

Поступила в редакцию / Received: 11.11.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 20.02.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Антонова Е.В.* Политические ценности, ориентации и идеалы современной молодежи и их отражение в виртуальном пространстве // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2023. Т. 23, №3 (63). С. 336–348. <http://doi.org/10.15507/2078-9823.063.023.202303.336-348>
- Гарр Т.* Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.
- Инглхарт Р.* Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С.Л. Лопатиной. 2-е изд., эл. Москва; Челябинск: Социум, 2020.
- Петухов В.В.* Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 119–138. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>
- Попова О.В.* Особенности политического сознания современной российской молодежи // *Политическая наука*. 2017. № 1. С. 138–162.
- Селезнева А.В.* Ценностные ориентации и гражданско-политическая активность молодых российских патриотов // *История и современное мировоззрение*. 2020. Т. 2. № 3. С. 62–70.
- Смирнов В.А.* Гражданские установки российских студентов в контексте специальной военной операции // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32, №8–9. С. 9–23. <http://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-23>.
- Трофимова И.Н.* Общественно-политические установки и ориентации современной российской молодежи // *Политика и общество*. 2016. № 10. С. 1387–1399.
- Яковлев В.С.* Гражданские ценности и установки российской молодежи в новых социально-территориальных условиях // *Гуманитарий Юга России*. 2023. Т. 12. № 6. С. 95–105. <http://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.6.7>.
- De Almeida Alves N.* Engaging in politics through youth transitions // *Journal of Youth Studies*. 2023. P. 1–18. <http://doi.org/10.1080/13676261.2023.2187281>
- Binder A., Heiss R., Matthes J., Sander D.* Dealigned but mobilized? Insights from a citizen science study on youth political engagement // *Journal of Youth Studies*. 2021. Vol. 24, no. 2. P. 232–249, <http://doi.org/10.1080/13676261.2020.1714567>.
- Lane D.S., Thorson K., Xu Yu.* Uninterested and unequal?: examining SES-based gaps in youth political behavior on social media // *Information, Communication & Society*. 2023. Vol. 26, no. 4. P. 663–681. <http://doi.org/10.1080/1369118X.2021.1968923>
- Krawatzek F.* A Sign of Things to Come? Youth and Politics: Regimes, Values and Agency // *Europe-Asia Studies*. 2022. Vol. 74, no. 7. P. 1105–1122. <http://doi.org/10.1080/09668136.2022.2108260>
- Mushtaq M., Mirza Z.S.* Understanding the Nexus Between Horizontal Inequalities, Ethno-Political Conflict and Political Participation: A Case Study of Balochistan // *Ethnopolitics*. 2022. Vol. 21, no. 3. P. 221–237. <http://doi.org/10.1080/17449057.2021.1920734>.
- Nkansah G.B., Bartha A.* Anti-democratic youth? The influence of youth cohort size and quality of democracy on young people's support for democracy // *Contemporary Politics*. 2023. Vol. 29, no. 5. P. 553–575. <http://doi.org/10.1080/13569775.2023.2196877>
- Rennick S.A.* '2011 unshackled the space': spatial analysis of diverging youth political agency in the Syrian conflict // *Conflict, Security & Development*. 2023. Vol. 23, no. 1. P. 43–66. <http://doi.org/10.1080/14678802.2023.2188569>
- Slone M., Shoshani A.* Effects of War and Armed Conflict on Adolescents' Psychopathology and Well-Being: Measuring Political Life Events among Youth // *Terrorism and Political Violence*. 2022. Vol. 34, no. 8. P. 1797–1809. <http://doi.org/10.1080/09546553.2020.1839427>

References

- Antonova, E.V. (2023). Political values, orientations, and ideals of contemporary youth and their reflection in the virtual space. *Humanitarian: Current Issues of Humanities Science and Education*, 23(3), 336–348. (In Russian). <http://doi.org/10.15507/2078-9823.063.023.202303.336-348>
- Binder, A., Heiss, R., Matthes, J., & Sander, D. (2021). Dealigned but mobilized? Insights from a citizen science study on youth political engagement. *Journal of Youth Studies*, 24(2), 232–249. <http://doi.org/10.1080/13676261.2020.1714567>
- De, Almeida Alves, N. (2023). Engaging in politics through youth transitions. *Journal of Youth Studies*, 1–18. <http://doi.org/10.1080/13676261.2023.2187281>
- Garr, T. (2005). *Why People Rebel*. St. Petersburg: Piter. (In Russian).
- Gorshkov, M.K., & Sheregi, F.E. (2020). *Russian youth in the mirror of sociology: Based on years of research*. Moscow: FNISC RAN. (In Russian).
- Inglehart, R. (2020). *Cultural evolution: How human motivations change and how it changes the world*. Moscow; Chelyabinsk: Socium. (In Russian).
- Krawatzek, F. (2022) A sign of things to come? Youth and politics: Regimes, values and agency. *Europe-Asia Studies*, 74(7), 1105–1122, <http://doi.org/10.1080/09668136.2022.2108260>
- Lane, D.S., Thorson, K., & Xu Yu. (2023). Uninterested and unequal? Examining SES-based gaps in youth political behavior on social media, Information. *Communication & Society*, 26(4), 663–681, <http://doi.org/10.1080/1369118X.2021.1968923>
- Mushtaq, M., & Mirza Z.S. (2022). Understanding the nexus between horizontal inequalities, ethno-political conflict, and political participation: A case study of Balochistan. *Ethnopolitics*, 21(3), 221–237. <http://doi.org/10.1080/17449057.2021.1920734>
- Nkansah, G.B., & Bartha, A. (2023). Anti-democratic youth? The influence of youth cohort size and quality of democracy on young people's support for democracy. *Contemporary Politics*, 29(5), 553–575, <http://doi.org/10.1080/13569775.2023.2196877>
- Petukhov, V.V. (2020). Russian youth and its role in society transformation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 119–138. (In Russian). <http://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>
- Popova, O.V. (2017). Features of political consciousness of contemporary Russian youth. *Political Science (RU)*, (1), 138–162. (In Russian).
- Rennick, S.A., (2023), '2011, unshackled, the, space:', Spatial, analysis, of, diverging, youth, political, agency, in, the, Syrian, conflict., *Conflict, Security, & Development*, 23(1), 43–66, <http://doi.org/10.1080/14678802.2023.2188569>
- Selezneva, A.V. (2020). Value orientations and civic-political activity of young Russian patriots. *History and Modern Worldview*, 2(3), 62–70. (In Russian).
- Slone, M., & Shoshani, A. (2022) Effects of war and armed conflict on adolescents' psychopathology and well-being: Measuring political life events among youth. *Terrorism and Political Violence*, 34(8), 1797–1809. <http://doi.org/10.1080/09546553.2020.1839427>
- Smirnov, V.A. (2023). Civil attitudes of Russian students in the context of a special military operation. *Higher Education in Russia*, 32(8–9), 9–23. (In Russian). <http://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-9-23>
- Trofimova, I.N. (2016). Socio-political attitudes and orientations of contemporary Russian youth. *Politics and Society*, (10), 1387–1399. (In Russian).
- Yakovlev, V.S. (2023). Civil values and attitudes of Russian youth in new socio-territorial conditions. *Humanitarian of the South of Russia*, 12(6), 95–105. (In Russian). <http://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.6.7>

Сведения об авторах:

Шашкова Ярослава Юрьевна — доктор политических наук, профессор кафедры философии и политологии, Алтайский государственный университет (e-mail: yashashkova@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6126-7097)

Казанцев Дмитрий Анатольевич — старший преподаватель кафедры философии и политологии, Алтайский государственный университет (e-mail: dimkazanchev@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7287-6413)

About the authors:

Yaroslava Yu. Shashkova — Doctor of Political Science, Full Professor, Department of Philosophy and Political Science, Altai State University (e-mail: yashashkova@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6126-7097)

Dmitry A. Kazantsev — Senior Lecturer, Department of Philosophy and Political Science, Altai State University (e-mail: dimkazanchev@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7287-6413)